

видеть империализм, но и может обратить свою ненависть в действие. Образ такого молодого африканца хорошо нарисован в романе Сембена Усмана «Родина моя, прекрасный мой народ».

Отмечая растущее влияние писателей-реалистов в культурной жизни страны, автор говорит:

«В произведениях, написанных с реалистических позиций, возможно, есть немало недостатков, однако радостно сознавать, что пионеры реалистического направления в африканской литературе хорошо понимают роль африканской литературы, заключающуюся в правдивом показе новых сил в Африке, в освободительном движении африканских народов».

«СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЕЩЕ АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА?»

Вопрос этот может показаться странным. Тем не менее он возник на страницах французского еженедельника «Экспресс» не случайно, а в связи с опубликованием ряда бесед с американскими писателями.

Автор этой публикации, Марк Сапорта, задумал «оценить состояние американской литературы устами самих деятелей современной литературы». С этой целью он «встречался с издателями, университетскими преподавателями, романистами и драматургами, узнавал мнения и знаменитостей и тех, кто еще только подает надежды». Его интересовало, как его собеседники определяют современный период развития американской литературы, есть ли сейчас писатели масштаба Фолкнера и Хемингуэя и чего можно ждать от молодого поколения.

«Экспресс» поместил пять из этих интервью. Рядом с поэтом Луисом Унтермайером стоит имя Эдварда Олби, молодого драматурга, автора нашумевшей пьесы «Кто боится Вирджинии Вулф?». На анкету отвечают также глава битников Л. Ферлингетти, романист Б. Маламуд и профессор Калифорнийского университета У. Стегнер.

Все это люди разных поколений, вкусов и общественного положения, но в их ответах есть, видно, что-то общее, нечто такое, что позволило журналу поставить вместо заглавия полный недвусмысленного сомнения вопрос: «Существует ли еще американская литература?»

«Не существует», — решительно заявляет Л. Унтермайер. Не существует, несмотря на «многочисленные и многообразные» памятники «письменности», по его выражению.

«Нет ничего общего между Синклером Льюисом, описывающим пороки буржуазии, и Стейнбеком, изображающим отдельные стороны жизни самих обездоленных классов...» Творчество Апдайка и О'Хары «создает иное впечатление обо всей литературе ...как о продукте общества богатого и разлагающегося... Битники выражают муку, гнев, бунт, злобу... Они представляют идеалы определенной группы, передают определенную ступень отчаянья... На противоположном полюсе — неоклассицисты, которые заботятся только о формальном совершенстве... Есть еще ученики Роберта Фроста, стремящиеся передать точные наблюдения как в области формы, так и в области содержания».

Не одному Унтермайеру американская литература представляется осколочной и дробной:

«У нас нет ни одной группы, ни одной тенденции, — утверждает модный драматург Э. Олби. — Вот говорят о битниках, о «еврейском возрождении» или о «хипстерах», но для американских писателей эти названия ничего не обозначают... Образцом американского литератора служит Герман Мелвилль — человек-одиночка...»

«Битников больше не существует, — подхватывает Л. Ферлингетти. Я остался один, остальные разъехались. Это вполне естественно, но они рассеялись по всему свету: Гэри Снайдер — в Японии, переводит японских поэтов... Берроуз — в Лондоне, Керуак — в Нью-Йорке. Это разъединение объясняется прежде всего тем, что союз битников в Сан-Франциско был случайным».

В атомистической картине американской литературы Унтермайер находит лишь одно объединяющее начало — это некая «энергия и порыв, страсть первооткрывателей, идущих нехоженными тропами», унаследованная современными писателями «от Фолкнера и Хемингуэя». Увы, он тут же должен признать, что эти порыв и энергия его современников лишены глубокого общественного смысла, который вкладывали в них великие художники 30-х годов:

«Бурлящего оптимизма 30-х годов больше не существует. Ведь всех писателей того времени вдохновляли социальные чаяния и надежды. Страна страдала, надо было помочь побороть страх, заста-

Т вить поверить в завтрашний день... Сегодня основное настроение — это жажда безопасности».

Даже у молодых, по утверждению Б. Маламуда.

«бунт носит чисто литературный характер, они утратили дух подвига. Их эскапады ограничиваются автостопом. Писательскую молодежь тревожат не столько социальные проблемы, сколько «личные трудности, любовные приключения, разводы и т. п.»

Во всех ответах слышится сожаление, что в сегодняшней Америке нет такой группы, которая шла бы по стопам писателей 20—30-х гг. и искала бы новых путей: «Именно этого-то и нет», — сокрушенно подтверждает Б. Маламуд.

Некоторые утешают себя тем, что «после великих литературных революций всегда наступают передышки». Такая точка зрения вполне удовлетворяет Унтермайера, который считает, что когда-нибудь все образуется, а пока «мы на пути к ассимиляции революционных преобразований, совершенных в предшествующем романе».

Более активную позицию занимает Бернард Маламуд, хотя и он не может не согласиться, что

«сегодня в США нет писателей масштаба Фолкнера и других крупнейших художников предыдущего поколения». Но он считает, что «американское общество переживает эволюцию», причем «литература также развивается и идет к тому, чтобы сильнее и глубже соприкоснуться с жизнью народа». В частности, он полагает, что представители национальных меньшинств, «еврейские и негритянские писатели находятся на пути к созданию значительных произведений, если только им удастся избавиться от своего провинциализма, замыкающего их в круг узких проблем наименьшинств».

В отличие от других собеседников Марка Сапорты, Маламуд говорил о том, что литература тесно связана с жизнью общества и должна стремиться к глубине содержания, а не к формальным исканиям.

«Мы не можем быть рабами писательской техники... Предыдущая эпоха оставила нам больше открытий, чем мы в состоянии переварить. Задача писателя — не игра с формой, а поиски средств к спасению человека в современном мире, спасение его ума и души. Одна истина в этой области стоит дороже, чем все эксперименты «авангардистов». Надо защитить человека от техники, от того, что

называется «обществом изобилия», особенно в Америке... Изобилие имеет и положительные стороны, но оно наносит вред духовной жизни. Обладание благами парализует тех, кто боится потерять эти блага. Прибавьте к этому, что технический прогресс несет угрозу атомной войны. Эти опасности привели к творческому бесплодию целый ряд талантливых писателей».

В этих замечаниях звучит механическое понимание технического прогресса как вне-социальной, враждебной человеку силы. Тем не менее Б. Маламуд — единственный из участников анкеты, кто ищет выхода для американской литературы в общественном содержании.

Если верна картина, нарисованная американскими литераторами, то закономерен и вывод еженедельника «Экспресс», что «последняя литература Америки впала в состояние какой-то летаргии...»

Но советский читатель, знакомый с историей, помнит, что в свое время буржуазная критика с таким же унынием оценивала состояние литературы 20—30-х гг., не желая замечать прогрессивных писателей, имена которых стали потом гордостью Америки. Может быть, нечто подобное происходит и теперь?

ЭВОЛЮЦИЯ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ГРУППЫ 47»

Не так давно на страницах итальянской печати развернулась дискуссия по проблемам, связанным с творчеством писателей так называемой «Группы 47» в Федеративной Республике Германии. Поводом для обсуждения этих вопросов послужило пятнадцатилетие «Группы 47» и выход в свет в этой связи альманаха группы. В 19 номере журнала «Эуропа letteratura» итальянский критик **Чезаре Казес** откликнулся на эти события статьей, полемически озаглавленной «Группа 47» после пятнадцати лет — группа, но не литература». Но прежде чем перейти к материалам дискуссии, напомним читателям вкратце историю возникновения «Группы 47».

Как известно, писатели, объединившиеся в ней в 1947 году, положили в основу своего творческого содружества «идеологический аскетизм». Пятнадцатилетнее господство фашизма в Германии, как считали эти писатели, настолько разрушило всю гуманистическую преемственность немецкой культуры, настолько дискредитировало все идеалы демократии, что новая литература должна была «отталкиваться от нуля». В запальчивом стремлении одним рывком освободиться от груза ненавистного прошлого они даже не